

Шедевры мировой поэзии

*Английская
романтическая поэзия*

Р. Грищенко Английская романтическая поэзия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8583589

Английская романтическая поэзия / Р. Грищенко, состав, подготовка текста, 2013: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013

ISBN 978-5-373-05481-2

Аннотация

Поэзия английского романтизма – удивительное творческое явление. олицетворявшее протест доминировавшему прежде классицизму, его представители мечтали «восстановить цельность мира, разрываемого противоречиями между мечтой и действительностью, чувством и разумом». Девять легендарных английских авторов, чьи поэтические шедевры собраны в этом томе, не нуждаются в особом представлении. Достаточно сказать, что это лучшие поэты Англии XVIII–XIX веков – Вильям Блейк, Вальтер Скотт, поэты «Озерной школы» Сэмюэль Тэйлор Кольридж, Вильям Вордсворт и Роберт Саути, а также «младшие романтики»: Томас Мур, Джордж Гордон Байрон, Перси Биши Шелли и Джон Китс. Знаменитые русские поэты XIX–XX вв. восхищались творчеством английских романтиков и переводили их стихи. На этих страницах вы найдете переводы А. Пушкина,

В. Жуковского, М. Лермонтова, А. Плещеева, Вяч. Иванова, К. Бальмонта, Г. Иванова, А. Блока, а также ряда современных поэтов.

Содержание

Вильям Блейк (1757–1827)	5
Тигр	6
Ночь	8
Тайна любви	10
Радость-дитя	11
Маленький мальчик, потерявшийся	12
Маленький мальчик, найденный	13
Колыбельная песня	14
Книга Тэль	17
Вальтер Скотт (1771–1832)	28
Клятва Мойны. (Шотландская баллада)	29
Дева Озера (фрагмент)	31
Замок Смальгольм, или Иванов вечер	32
«Ворон к ворону летит...»	40
Поэты «Озерной школы»	43
Сэмюэль Тэйлор Кольридж (1772–1834)	43
Кубла Хан.	43
Кристабель.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Английская романтическая поэзия

Составитель Р. Грищенко

*...Средь новых бед и новой суеты,
Когда увянет наше поколение,
Другой поэт доверится тому,
Что ты откроешь пылкому уму:
«Нет в мире правды, кроме красоты!
Она одна – и знание, и спасенье!»*
Дж. Китс

Вильям Блейк (1757–1827)

*Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горюшь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?*

В. Блейк

Тигр

Перевод К. Бальмонта

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?
В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?

Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?
Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован – такой?
Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх?
В тот великий час, когда
Возвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —
Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

Ночь

Перевод К. Бальмонта

Скрылось солнце в сонной дали,
Горит вечерняя звезда.
Птицы в гнездах замолчали,
Я своего ищу гнезда.
Свод небесный высок,
И луна, как цветок,

Неба тихая дочь,
Ясно смотрит на ночь.
Мир вам, доли, рощи, нивы,
Где был восторг веселых стад,
Где, легки и молчаливы,
Блуждая, ангелы блестят.
Их нельзя увидеть,
Но от них благодать —
Всем листам и цветам,
Всем вздыхающим снам.
То в кусты они заглянут,
Тепло ли птичкам в их гнезде.
То у нор звериных встанут,
Посмотреть, нет ли боли где.
Чуть кто горько вздохнет,
Пусть скорей он уснет,
Близ него посидят,
Усыпят ум и взгляд.
Если волки жадно воют,
Они, жалея их, стоят,
Грустным видом успокоят
И малых агнцев сохранят.
Если ж, робок и тих,
Кто погибнет из них,
Всех загубленных тут
В новый мир поведут.

Тайна любви

Перевод К. Бальмонта

Не ищи сказать любовь,
Рассказать ее нельзя.
Нежный ветер движется
Молча и невидимо.
Я сказал свою любовь
Всё ей сердце рассказал,
С трепетом и с ужасом.
Ах, она сокрылась прочь.
Только что ушла она,
Странник мимо путь держал,
Молча и невидимо.
Вздохом он унес ее!

Радость-дитя

Перевод К. Бальмонта

«Нет мне названья,
Мне только два дня».
Как же назвать?
«Нет счастливей меня;
Радость – название мое».
Нежная радость
Да будет с тобой,
Светлая радость
Мечтой голубой
Смотрится в сердце твое.
Нежная радость,
Есть ли нежней?
Светлая радость
Только двух дней: —
Слушай с улыбкой,
Я песню пою,
Песней приветствую
Радость мою.

Маленький мальчик, потерявшийся

Перевод К. Бальмонта

«Отец, отец, куда ты идешь?

О, не иди так быстро!

Ответь мне, отец, я твой маленький мальчик,

Иначе я потеряюсь».

Ночь была темна, не было отца,

Ребенок измок от росы;

Глубока была топь, и плакал ребенок,

И прочь улетали туманы.

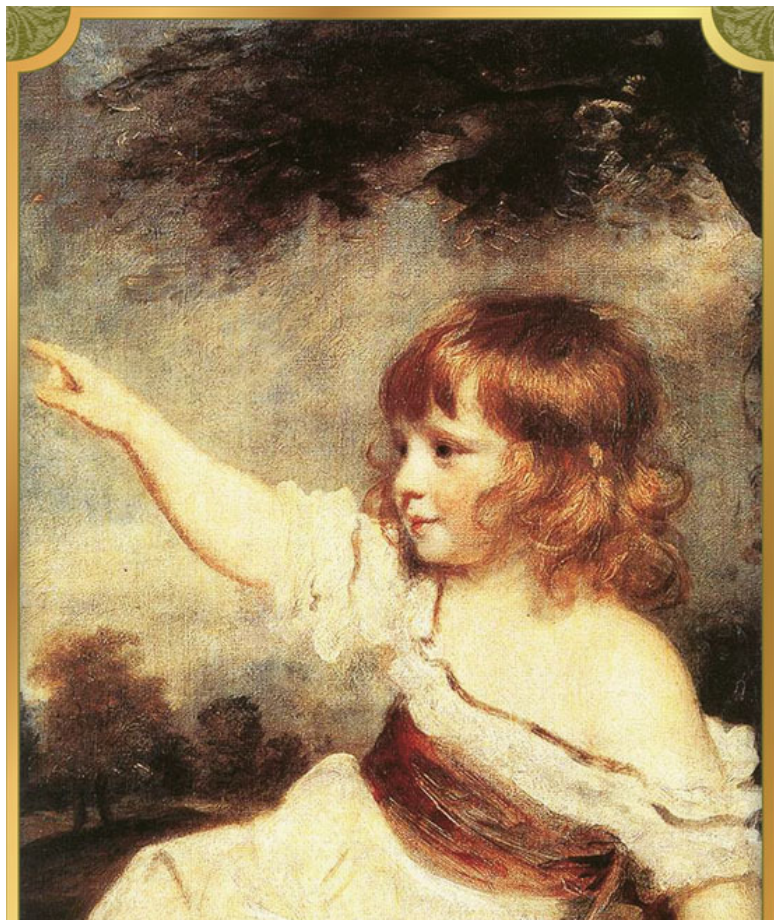
Маленький мальчик, найденный

Перевод К. Бальмонта

Маленький мальчик в пустынном болоте,
Влекомый блуждающим светом,
Начал рыдать, но Бог, всегда близкий,
Предстал, как отец, весь в белом.
Он склонился к нему, и за руку взял,
И, целуя, привел его к матери,
В то время как, бледная, в долине пустынной,
Она искала любимого мальчика.

Колыбельная песня
Перевод К. Бальмонта

Сладость снов, сойди, как тень,
Сон, дитя мое одень.
Сны, сойдите, как ручей,
Лунных ласковых лучей.
Сладкий сон, как нежный пух,
Убаюкай детский слух.
Ангел кроткий, сладкий сон,
Обступи со всех сторон.
Смех, сверкай во тьме ночей
Над отрадою моей.
Будь с ним лучшей из утех,
Материнский нежный смех.
Каждой жалобе шепни:
– Задремли и отдохни.
Каждой жалобе скажи:
– Крылья легкие сложи.
Спи, дитя, счастливым сном,
Целый мир уснул кругом.
Спи же, спи, родимый мой,
Я поплачу над тобой.
Предо мной священный лик
На твоём лице возник,
Твой Создатель здесь, во сне,
Горько плакал обо мне.
Как невинное дитя,
Плакал, глазками блестя,
О тебе и обо всех,

И слезами смыл наш грех.
И теперь глядит, любя,
Он с улыбкой на тебя,
В снах ребенка спит он сам.
Мир Земле и Небесам.

Книга Тэль

Перевод К. Бальмонта

1

Дщери Серафима водили кругом
Свои золотые стада,
Все, кроме младшей: бледная,
Искала она сокровенного воздуха,
Чтоб увянуть, подобно утренней ясности,
Уйти от смертного дня своего.
Вниз по реке Адоне
Слышится нежный голос ее,
И как капли рассветные, капли росы,
Упадает тихая жалоба.
«О жизнь вот этого Ключа,
Жизнь нашего Источника.
Для чего увядает водный лотос?
Для чего увядают эти чада Источника,
Рожденные только затем,
Чтоб улыбнуться и пропасть?
А! Тэль – как взнесенная влагою радуга,
И как уходящее облако,
Как отражение в зеркале,
Как тени в воде,
Как детские сны, как улыбка на детском лице,
Как голос тоскующей горлицы,

Как день преходящий, как музыка в воздухе.
А! Если б хоть лечь мне тихонько,
Головою тихонько припасть,
И спать так, дремать,
Сном тихим, сном смерти,
И слушать тихонько голос Того,
Кто ходит в саду в вечернее время».
Дыша меж смиренных трав,
Скромная Лилия Долины
Отвечала кроткой девственнице так:
«Я водная поросль, произрастание,
И такая я малая,
И люблю я быть в низких долинах,
Такая я слабая,
Что едва мотылек золотистый
На главе моей может присесть.
Но меня Небеса посетили,
И Тот, Кто взирает с улыбкой на все,
Проходя по долине,
Каждое утро,
Длань надо мною Свою простирает
И мне говорит:
„Радуйся травка смиренная,
Новорожденный лилейный цветок,
Кроткая дева долин молчаливых и скромных ключей;
Ибо ты будешь одета в сияние,
И будешь напитана манною утра,
Пока летний зной не растопит тебя,
Близ ручьев и ключей, чтоб ты расцвела

В бессмертных долинах”.

О чем же печалится Тэль?

О чем же вздыхать владычице Гарских долин?»

Она умолкла, в слезах улыбнулась,

И замкнулась в своем серебристом святилище.

И ответила Тэль:

«О, смиренная дева мирной долины,

Дары свои тем отдающая, кто не может потребовать,

Безгласным, усталым; дыханье твое

Питает ягненка невинного,

Он вдыхает воздух одежд твоих млечных,

Он срезает твои цветы,

А ты глядишь, улыбаешься прямо ему в лицо,

Стирая с его кротко-мягкого рта

Заразительность пятен.

Твое вино очищает

Золотистый мед;

Твое благовонье, которое ты рассыпаешь

По каждому малому листику возникающих трав,

Оживляет тучных коров,

Укрощает коней огнедышащих.

А Тэль – как неверное облако,

Зажженное солнцем встающим, —

Я исчезаю,

Я оставляю престол свой жемчужный,

И кто мое место найдет?»

«Царица долин, – отвечала ей Лилия, —

Вопроси вон то нежное облако,

Почему оно искрится в утреннем небе,

Почему развеивает по влажному воздуху
Блестящесть своей красоты?
Снизойди, о малое облачко,
И помедли пред взорами Тэль».
Облачко вниз опустилось;
А Лилия кротко склонила главу,
И в мыслях заботам своим отдалась,
Многочисленным,
Среди зеленеющих трав.

2

«О, малое Облако, —
Промолвила девственная, —
Скажи мне, скажи, отчего ты не жалуешься,
Ведь ты увядаешь в единый час,
Мы поищем тебя – и вот, не найдем.
А! Тэль подобна тебе,
Я прохожу – но я сетую,
И мой голос не слышит никто».
Открыло тут облако
Свою золотую главу,
И его лучезарная форма
Скользнула, мелькнула и, блистая по воздуху,
Предстала пред взорами Тэль.
«О, девственная, ты, значит, не знаешь,
Что пьют наши кони из тех златоструйных источников,
Где Люва сменяет своих лошадей?
Ты смотришь на юность мою и боишься,
Потому что вот я исчезаю,

И больше не видно меня?

Не остается ничто.

О, дева! Но я говорю тебе —

Я, уходя, ухожу к жизни удесyтеренной,

К миру, к любви, к святым восхищениям.

Незримо сходя, тяготеют

Бестелесные крылья мои

Над бальзамическим ликом цветов,

К Росе светлоглазой ласкаются,

Чтоб впустила меня она в свой золотистый шатер —

Дева в слезах преклоняется с трепетом

Пред восходящим Солнцем,

Пока мы не встанем, соединенные,

Золотистая сольет нас перевязь,

И никогда уже не разлучимся,

Блуждаем, соединенные,

Питая все кроткие наши цветы».

«Правда, о, малое Облако?

Я боюсь, что мы не похожи;

Потому что я прохожу по Гарским долинам

И вдыхаю дыханье нежнейших цветов,

Но не питаю я малых цветов;

Щебетание птиц слышу я, но их не питаю,

Они улетают и сами находят свой корм.

Но Тэль им уже больше не радуется,

Ибо я увядаю.

И все скажут: „Без пользы жила

Эта блестящая женщина.

Не жила ли она лишь затем,

Чтобы в смерти быть пищей червям?»
Облако нежно склонилось
На своем воздушном престоле
И так отвечало: «О, дева небес,
Если ты пища червям,
Как велико это, как велико благословенье твое.
Все, что живет, живет не одно, не для себя одного.
Не бойся, Червя воззову я бессильного
С низкого ложа его
И ты его голос услышишь.
Приди, о, Червь безмолвной долины,
К царице задумавшейся».
Беспомощный Червь поднялся
И на лилейном листке поместился,
А блестящее Облако дальше поплыло, вперед,
Чтоб найти подругу в долине.

3

Тогда Тэль, удивленная,
На Червя посмотрела
Меж тем как раскинулся он на росистом ложе своем.
«Неужели ты – Червь, образ слабости?
Я вижу тебя как ребенка,
Закутанным в нежный лилейный листок.
О, не плачь, малый голос;
Говорить ты не можешь, но можешь ты плакать.
Это – Червь?
Я вижу тебя, ты лежишь, обнаженный, беспомощный,
В слезах, и никто не ответит тебе,

Приласкать тебя некому
С материнской улыбкой».

Глыба Земли услышала горе Червя
И, проникнувшись жалостью,
Главу подняла свою.

Над ребенком заплакавшим нежно склонилась она,
Млечной нежностью жизнь ее тайнодохнула,
Потом устремила на Тэль она пристальный взгляд
Смиренных очей своих.

«О, красота этих Гарских долин,
Не для себя самих мы живем.

Ты видишь, кажусь я и скудной и низкой такою.
Я и есть такова.

Сама по себе, грудь моя холодна,
Темна моя грудь, сама по себе;
Но Тот, Кто любит всех скудных,
На главу мою мироздание свое изливает,
И целует меня, и обвязывает
Перевязь свадебную

Вкруг груди моей, сам говоря:
Мать детей моих, Я полюбил тебя
И венец тебе дам, тот венец
Никто не возможен отнять.

Но как это, нежная дева,
Я просто не знаю,

Как могу это знать я?

Размышляю над этим и все ж размышлять не могу,
Но вот я живу и люблю».

Дщерь Красоты отерла

Глаза свои скорбные белым покровом своим
И молвила: «Ах, я не знала этого,
Потому я и плакала.
Бог любит Червя,
Он накажет ту злую стопу, что умышленно
Будет давить беззащитную форму.
Это я знала;
Но что в пищу ему Он дает млеко и миро,
Этого я никогда не слыхала, не знала – и плакала.
И в воздухе кротком я жаловалась,
Ибо я увядаю
И ложусь на холодное лоно твое,
Свой блестящий удел покидаю».
«Царица Долины, – ответила ей Праматерь Земля, —
Я слышала вздохи твои,
И все твои жалобы
Над моей кровлей пролетали,
Но я позвала их вниз.
Хочешь ли ты, о, царица, войти в мой дом?
Дано тебе в дом мой войти и вновь возвратиться;
Не бойся же здесь ничего,
Да вступишь сюда, о, девственная».

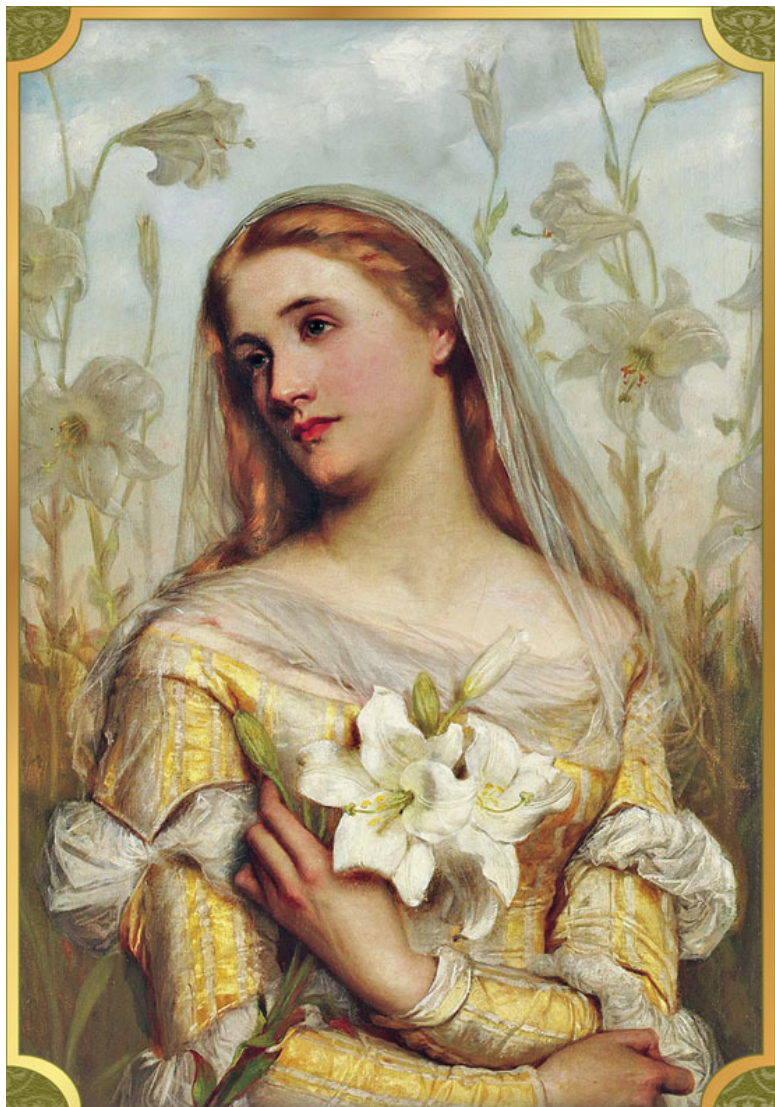
4

Страшный Привратник вечных врат
Поднял северный засов;
Тэль вошла и увидела тайны страны неведомой.
Она увидела постели мертвых и те места,
Где волокнистый корень каждого сердца

Глубоко на земле отпечатывает
Изгибы свои ненасытные;
Увидала страну печали и слез,
Где никогда не бывало улыбки.
Блуждала она в крае туч,
В стране, где долины темные,
Слушала вопли и жалобы,
Вдруг останавливалась,
Плакала возле росистых могил.
Она стояла в молчании,
Вникала она в голоса глубин,
Меж могил пришла к своей собственной,
Там села она и услышала
Голос скорби, примчавшийся,
Как вздох, из пустой и глубокой ямы.
«Почему слух не может закрыться
Для собственной гибели?
Или блистающий глаз —
Для отравы улыбки?
Почему наполнены веки стрелами,
Остриями, готовыми тотчас убить?
Там тысяча смерть приносящих воителей
В засаде лежит, —
Или глаз даров, глаз щедрот, устремляющий
Дождь плодов и чеканного золота.
Зачем заклеимен наш язык
Медом от каждого ветра?
Зачем слух, этот водоворот,
Свирепо в себя вбирающий сеть мирозданий?

Зачем ноздри, широко вдыхающие ужас,
Дрожащие, ноздри испуганные?
Зачем узда щекочущая
На пламенном юноше?
Зачем низкая эта завеса —
Тело на ложе наших желаний?»
Тэль вскочила и с криком назад побежала,
Беспрепятственно,
Пока не достигла знакомых Гарских долин.

Вальтер Скотт (1771–1832)

Ночь покойна была, но заснуть не дала.

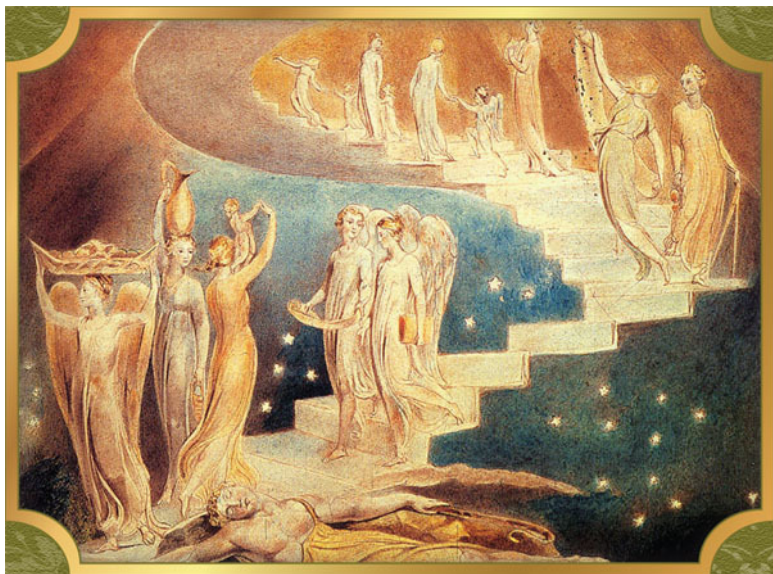
Он вздыхал, он с собой говорил:

«Не пробудится он; не подыметя он;

Мертвецы не встают из могил».

В. Скотт

Клятва Мойны.
(Шотландская баллада)
Перевод К. Павловой

Вот клятва Мойны молодой:
«Не буду графу я женой!
Хотя б от всех людских племен
Остались в мире я да он,

Хотя б он мне в награду дал
Алмазы, жемчуг и коралл,
Хотя б владел он всей страной,
Не буду графу я женой!»
— «Обеты дев, — сказал старик, —
Все вмиг даны, забыты вмиг;
Обвив крутые высоты,
Алеют вереска цветы,
И скоро ветер с утеса прочь
Их унесет в осеннюю ночь;
Но Мойна, прежде ночи той,
Уж может графу быть женой».
— «Пусть лебедь, — Мойна говорит, —
В гнездо орлиное взлетит,
Назад пойдут потоки гор,
Пусть упадет утес Бенмор
И битвы в час наш грозный клан
Пусть побежит от англичан, —
Но я не изменюсь душой:
Не буду графу я женой!»
Еще доселе в тростнике
Гнездится лебедь на реке,
Бенмор огромный не падет,
Крутой поток бежит вперед,
Клан все слывет, каким он слыл,
И пред врагом он не дал тыл, —
Но Мойна любит всей душой,
И Мойну граф зовет женой.

Дева Озера (фрагмент)

Перевод А. Пушкина

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает,
Пугливо он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые луга,
Глядит на синий свод небесный
И на днепровские берега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен он стоит
И чутким ухом шевелит...
Но дрогнул он – незапный звук
Его коснулся – боязливо
Он шею вытянул и вдруг
С вершины прянул...

Замок Смальгольм, или Иванов вечер

Перевод В. Жуковского

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.
Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;
Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплён двадцатифунтовой.
Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.
Анкрамморская битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;
Но железный шлем был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.
Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул – и паж молодой

На условленный свист прибежал.
«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.
Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»
«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).
И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.
Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.
На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал, —
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.
Подпершись мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.
И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;
Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сражение забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».
«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».
«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.
Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».
«Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой, —
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной».
«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе

Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».
Он нахмуясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.
Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы».
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».
И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»
«Показалось мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».
«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».
«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».
И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.

«Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.
Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подымлется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.
Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку и видит: с печалью в лице,
Одинок-унылая, там
Молодая жена – и тиха, и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена». —
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

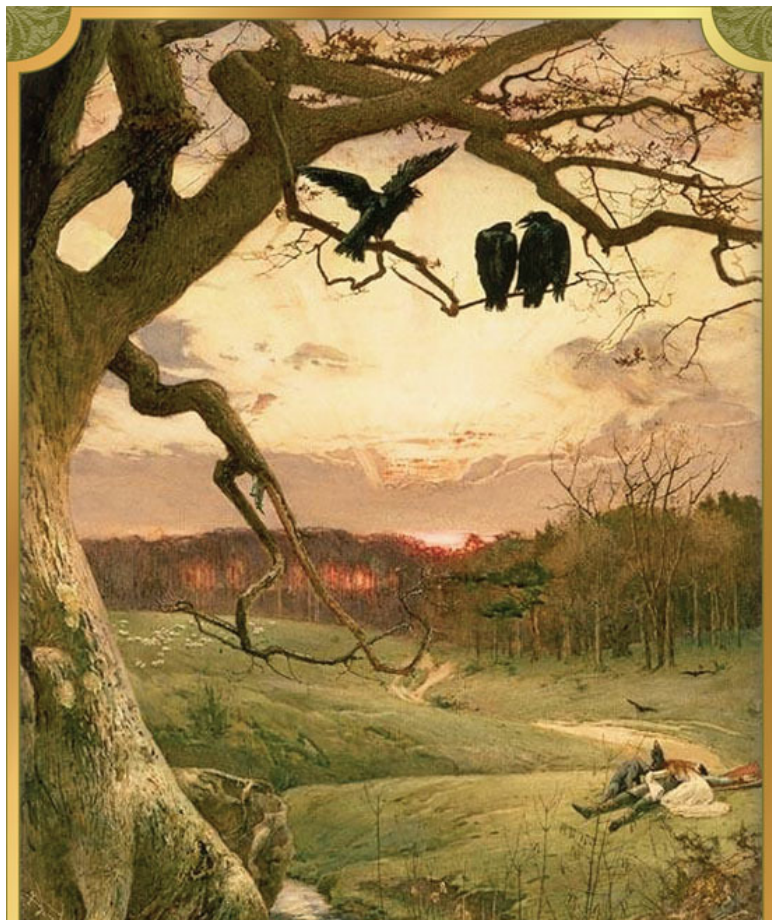
«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,

И за нею суровый барон.
Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».
Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.
Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.
«Воротись, удалися», — она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит, —
Не страшись, не услышит нас он.
Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.
Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;
Где видалися мы под защиту тьмы;
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ – ты спасен ли иль нет?..»
Он печально потряс головой.
«Выкупается кровью пролитая кровь, —
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь, —
Ты сама будь свидетель тому».
Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.
И печать роковая в столе вожжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж – но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.
Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.
Сей монах молчаливый и мрачный – кто он?
Та монахиня – кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

«Ворон к ворону летит...»
Перевод А. Пушкина

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?
Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.
Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.
Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

Поэты «Озерной школы»

*И тень чертогов наслажденья
Плыла по глади влажных сфер,
И стройный гул вставал от пенья,
И странно-слитен был размер
В напеве влаги и пещер.*
С. Т. Кольридж

**Сэмюель Тэйлор
Кольридж (1772–1834)**

**Кубла Хан.
Перевод К. Бальмонта**

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан.
На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружен,
Садами и ручьями он украшен.
В нем фимиами цветы струят сквозь сон,
И древний лес, роскошен и печален,
Блится там воздушностью прогалин.
Но между кедров, полных тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной,
Где женщина о демоне рыдала.
Пленительное место! Из него,
В кипенье беспрерывного волненья,
Земля, как бы не в силах своего
Сдержать неумолимого мученья,
Роняла вниз обломки, точно звенья
Тяжелой цепи: между этих скал,
Где камень с камнем бешено плясал,
Рождалось внезапное течение,
Поток священный быстро воды мчал,
И на пять миль, изгибами излучин,
Поток бежал, пронзив лесной туман,
И вдруг, как бы усилием замучен,
Сквозь мглу пещер, где мрак от влаги звучен,

В безжизненный впадал он океан.
И из пещер, где человек не мерял
Ни призрачный объем, ни глубину,
Рождались крики: вняв им, Кубла верил,
Что возвещают праотцы войну.
И тень чертогов наслажденья
Плыла по глади влажных сфер,
И стройный гул вставал от пенья,
И странно-слитен был размер
В напеве влаги и пещер.
Какое странное виденье —
Дворец любви и наслажденья
Меж вечных льдов и влажных сфер.
Стройно-звучные напевы
Раз услышал я во сне,
Абиссинской нежной девы,
Певшей в ясной тишине,
Под созвучья гуслей сонных,
Многопевных, многозвонных,
Ливших зов струны к струне.
О, когда б я вспомнил взоры
Девы, певшей мне во сне
О Горе святой Аборы,
Дух мой вспыхнул бы в огне,
Все возможно было б мне.
В полнозвучные размеры
ЗаклЮчить тогда б я мог
Эти льдистые пещеры,
Этот солнечный чертог.

Их все бы ясно увидали
Над зыбью, полной звонов, дали,
И крик пронесся б, как гроза:
Сюда, скорей сюда, глядите,
О, как горят его глаза!
Пред песнопевцем взор склоните,
И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем что он воскормлен медом
И млеком рая напоен!

Кристабель.

Перевод Г. Иванова

Часть I

Над башней замка полночь глуха
И совиный стон разбудил петуха.
Ту-ху! Ту-уит!
И снова пенье петуха,
Как сонно он кричит!
Сэр Леолайн, знатный барон,
Старую суку имеет он.
Из своей конуры меж скал и кустов
Она отвечает бою часов,
Четыре четверти, полный час,
Она завывает шестнадцать раз.
Говорят, что саван видит она,
В котором леди погребена.
Ночь холодна ли и темна?
Ночь холодна, но не темна!
Серая туча в небе висит,
Но небосвод сквозь нее сквозит.
Хотя полнолунье, но луна
Мала за тучей и темна.
Ночь холодна, сер небосвод,
Еще через месяц – маю черед,
Так медленно весна идет.

Кто леди Кристабель милей?
Ее отец так нежен с ней!
Куда же она так поздно идет
Вдали от замковых ворот?
Всю ночь вчера средь грез ночных
Ей снился рыцарь, ее жених,
И хочет она в лесу ночном,
В разлуке с ним, помолиться о нем.
Брела в безмолвии она,
И был ее чуть слышен вздох,
На голом дубе была зелена
Одна омела, да редкий мох.
Став на колени в лесной глуши,
Она молилась от всей души.
Но поднялась тревожно вдруг
Прекрасная леди Кристабель —
Она услышала странный звук,
Не слыханный ею нигде досель,
Как будто стоны близко слышны
За старым дубом, с той стороны.
Ночь холодна, лес обнажен:
Может быть, это ветра стон?
Нет, даже легкий ветерок
Не повеет сегодня среди раkit,
Не сдунет локона с милых щек,
Не шелохнет, не закружит
Последний красный лист, всегда
Готовый плясать туда, сюда,
Так слабо подвешенный, так легко

На верхней ветке, там, высоко.
Чу! бьется сердце у ней в груди —
Святая дева, ее пощади!
Руки с мольбой сложив под плащом,
Обходит дуб она кругом,
Что же видит она?
Юная дева прелестна на вид
В белом шелковом платье сидит.
Платье блестит в лучах луны,
Ее шея и плечи обнажены,
От них ее платье еще бледней.
Она сидит на земле, боса,
И дикие звезды цветных камней
Блестят, запутаны в ее волосы.
Конечно, страшно лицом к лицу
Было девушке встретить в ночном лесу
Такую страшную красу.
«Помоги, богоматерь, мне с высоты
(Говорит Кристабель), но кто же ты?»
Сказала ей дама такие слова,
И голос ее звучал едва:
«О, пусть тебя тронет моя судьба,
Я с трудом говорю, я так слаба,
Протяни мне руку, не бойся, о нет...»
Кристабель спросила, откуда она,
И так сказала ей дама в ответ,
И была ее речь едва слышна:
«Мой отец издалека ведет свой род,
Меня Джеральдиной он зовет.

Пятеро воинов вчера среди дня
Схватили беззащитную деву, меня.
Они заглушили мой крик и плач,
Прикрутили к коню жесткой уздой,
Несся конь, как ветер степной,
И сзади они летели вскачь.
Они пришпоривали злобно коней,
Мы пересекли ночную тьму.
Я, господь свидетель тому,
Никогда не знала этих людей.
Не помню времени я и пути
(Я лежала без чувств), пока меня
Самый высокий и злой из пяти
Не снял, наконец, со спины коня.
Едва живой я была тогда,
Но помню споры его друзей,
Он меня положил средь корней
И клятву дал вернуться сюда.
Куда они скрылись, не могу сказать:
Недавно слышался здесь в тишине
Как будто звон колокольный мне,
О, помоги же несчастной бежать
(Сказала она), дай руку мне».
Тогда белокурую Джеральдину утешать
Стала Кристабель: «О не бойтесь ничего,
Прекрасная леди, вы можете располагать
Домом благородного отца моего.
Он с радостью даст охрану вам,
Отборных рыцарей с вами пошлет

И будет честью его друзьям
Вас провожать до отцовских ворот».
Они пошли, их страх торопил
Но быстро идти не было сил
(О леди, счастлива ваша звезда!)
И так Кристабель сказала тогда:
«Все наши домашние спят давно
И в залах, и в горницах – всюду темно.
Сэр Леолайн здоровьем слаб
И я его разбудить не могла б,
Но мы попробуем, словно тайком,
И если позволите, то проведем
Ночь эту рядом, на ложе одном».
Они миновали ров, и вот
Маленький ключ Кристабель достает,
Узкая калитка легко отворена,
Как раз посредине ворот она,
Ворот, которые железом блестят,
В них может проехать целый отряд.
Должно быть, от боли, леди легла,
И вот Кристабель ее подняла
И на руках, – кто б думать мог, —
Перенесла через порог.
Но едва миновали порог ворот,
Словно не было боли, леди встает.
Далеко опасность, далеко страх,
Счастье сияло в их глазах.
Кристабель свой взор к небесам подняла
И спутнице так сказала своей:

«Тебя Пресвятая Дева спасла,
Вознесем же мы благодарность к ней».
«Увы! Увы! – Джеральдина в ответ. —
У меня для этого силы нет».
Далеко опасность, далеко страх,
Счастье сияло в их глазах!
Старая сука пред своей конурой
Глубоко спит под холодной луной.
Она не шевельнулась, она спала,
Но жалобный вздох она издала
И что ее потревожить могло?
Она никогда не вздыхала досель
Когда приближалась к ней Кристабель,
Быть может, крик совы донесло,
Ибо, что ее потревожить могло?
Очень легко ступали они,
Но эхо повторяло шаг.
В высокой зале тлел очаг,
Уже умирали в нем головни,
Но, когда проходила леди, – сильнее
Вспыхнули вдруг языки огней,
Кристабель увидела леди глаз
На миг, пока огонь не погас.
Только это, да старый щит,
Что в нише на стене висит.
«О, тише ступайте, – сказала она, —
Отец пробудится ото сна!»
Кристабель разулась, легкой стопой,
Боясь потревожить замка покой,

Они со ступени крадутся на ступень,
То сквозь мерцанье, то сквозь тень.
Идут мимо спальни, где спит барон,
Тихи, как смерть, не проснулся б он.
Но вот и дверь в ее покой,
Но вот Джеральдина коснулась ногой
Камышевых матов комнаты той.
В небе луна светит темно,
Ее лучи минуют окно,
Но и без бледных лучей луны
Резьбой покрытые стены видны.
Изваяния нежно пленяют глаз
И странен их прихотливый строй,
Для девичьей спальни они как раз.
И лампу с серебряной цепью двойной
Держит ангел легкой рукой.
Серебряная лампа – луны темней,
Но лампу эту Кристабель берет,
Прибавляет огня и, вспыхнув сильней,
Лампа качается назад и вперед.
Что с Джеральдиной? Совсем бледна,
Опустилась на пол без сил она.
«Леди Джеральдина, это вино
Вас подкрепит – выпейте скорей,
Из диких целебных трав оно
Было приготовлено матерью моей».
«Но будет ли рада меня приласкать,
Погибшую деву, ваша мать?» —
«Горе мне! – Кристабель в ответ. —

У меня с рожденья матери нет.
Седой монах рассказывал раз,
Что мать моя в предсмертный час
Говорила, что будет слышен ей
Полночный звон в день свадьбы моей.
Ах, если бы мать пришла сквозь мрак!» —
Джеральдина сказала: «Ах, если б так!»
Но сейчас же глухо вскричала она:
«Прочь, скиталица-мать! Ты здесь не нужна!
У меня есть власть сильнее твоей».
Джеральдина бедная – увы, что с ней?
Почему так странно она глядит,
Или мертвую видит во тьме ночной?
Почему так глухо она кричит:
«Прочь, женщина, прочь, час этот мой!
Хотя ты и ангел-хранитель ее,
Прочь, женщина, прочь, здесь всё мое!»
Тогда Кристабель к ней подошла,
И синие очи к небесам подняла.
«Этой страшной скачкой верхом, увы,
Дорогая леди, измучены вы!»
Джеральдина рукой отерла чело
И сказала тихо: «Теперь прошло».
Джеральдина вина выпила вновь:
На ее щеках заиграла кровь
И тотчас с пола встала она
Вновь гордая леди, высока и стройна,
И, словно дама страны неземной,
Она была прекрасна собой.

Сказала она: «Кристабель, за вас
Молятся ангелы каждый час,
И вы непорочным сердцем своим
Отвечаете нежной любовью им.
За ваше добро заплатить вдвойне,
Прелестная дева, хочется мне.
Хотя так беспомощна я, увы,
Но теперь, дитя, раздевайтесь вы,
А я перед сном помолиться должна».
«Пусть будет так», – говорит Кристабель.
И, как приказала леди, она
Разделась и легла в постель,
Легла, невинна и нежна.
Но, о, несчастье и счастье дум
Слишком много тревожило ум,
И никак Кристабель не могла заснуть.
Тогда на локоть она оперлась
И на постели слегка поднялась
Для того, чтобы на Джеральдину взглянуть.
Под лампою леди склонена,
Обводила тихо глазами кругом,
И, глубоко вздохнув, она
Вся словно вздрогнула, потом
Распустила под грудью пояс свой.
Одежда упала к ногам легка...
Она стоит совсем нагой!
Взгляни: ее грудь, ее бока —
Это может присниться, но как рассказать?
О, спаси Кристабель, Христа благодать!

Джеральдина недвижна, она молчит,
Ах! Ее пораженный взор горит,
Как будто болезненным усиьем она
Какую-то тяжесть поднимает со дна,
И на девушку, медля, она глядит.
Но вот, словно вызов она приняла
Движеньем гордым головы,
И рядом с девушкой легла
И в свои объятья ее взяла.
Увы, увы!
Печален взор, и слышны едва
Ее слова:
«Кристабель, прикоснулась к тебе моя грудь,
Молчаливой, безвольной отныне будь!
Ты узнаешь сейчас, будешь завтра знать
И скорби моей, и стыда печать;
Не всё ли равно,
Ведь только одно
И знаешь ты:
Что в лесу, где мгла,
Ты на стон пошла
И встретила даму неземной красоты
И ее привела милосердно домой,
Чтоб спасти и укрыть от прохлады ночной».
Заключение первой части
Зрелище можно ль найти милей,
Чем Кристабель, когда она
Под старым дубом молилась, одна
Среди зубчатых острых теней

От его безлистных мшистых ветвей,
Чем Кристабель в сиянья луны,
Шептавшая сладких молитв слова.
Ее сжатые руки так нежны,
Ее вздохи слышны едва-едва. .
Открыто лицо для тоски и любви. .
Из скорее блестящих, чем светлых глаз
Готов упасть слезы алмаз.
С глазами открытыми (горе мне!)
Кристабель во власти ужасного сна.
Но знаю я, что в ужасном сне
Лишь то, что было, видит она.
Может ли быть? О горе и стыд!
Она ли молилась в чаще раки!
Погляди: виновница этого зла
В свои объятья деву взяла
И может спокойно и сладко спать,
Словно с ребенком нежная мать!
Звезда закатилась, взошла звезда.
О, Джеральдина, тот час, когда
Твои объятья стали тюрьмой
Для прелестной леди – тот час был твой!
В тот час над озером и горным ручьем
Птицы были объаты сном,
Но теперь ликующий говор их
Ту-ху – летит от лесов густых,
Ту-ху, ту-ху – до вершин крутых.
Взгляни же: леди Кристабель
Покидает медленно свое забытье,

Она подымается, опираясь на постель,
Грустен и томен вид ее.
Веки смыкаются, и слез волна
Сквозь густые ресницы бежит, блестя,
И улыбается в то же время она,
Как при внезапном свете дитя.
Она улыбается и плачет – да,
Как юная отшельница в лесной тишине,
Прекрасная отшельница, что всегда
Твердит молитву наяву и во сне...
И если беспокойны движенья ее,
То лишь потому, что свободная кровь
К ее ногам приливает вновь.
Было сладко, конечно, ее забытье.
Что же, если б ангел ее был с ней
Если б она знала, что с ней ее мать?
Но одно она знает: близка благодать,
И святые помогут – лишь стоит позвать,
Ибо небо объемлет всех людей!

Часть II

«В загробный мир, – говорит барон, —
Нас призывает утренний звон».
Он эти слова впервые сказал,
Когда мертвой леди свою увидал.
Говорить он их будет каждый раз,
Пока не пробьет его смертный час.
Он обычай завел, незнакомый встарь,
Чтобы каждый день на заре звонарь,
Раскачивая тяжкий колокол свой,
Сорок пять четок перебрал рукой,
Меж двух ударов за упокой,
Чтоб слышал звон каждый сосед
От Уиндермира до Брета-Хэд.
Бард Бреси молвит: «Звон хорош такой!
Ты, старый, заспанный звонарь,
Ударь, помолись и опять ударь!
Есть много звуков и разных див,
Чтобы заполнить перерыв.
Где Ленгдель-Пик и Ведьмин Скат
И Донжон-Гиль, заселенный зря,
В воздушный колокол звонят
Три многогрешных звонаря,
И вторят втроем один за другим
Мертвыми звонами звонам живым.
И часто звоном оскорблен,
Когда умолкнет их дин-дон,

Высмеивает Дьявол скорбную трель,
И весело трезвонит за ним Бородель.
Воздух спокоен! Сквозь туман далеко
Слышен веселый этот трезвон;
Джеральдина с постели встает легко,
Уже стряхнув и ужас, и сон.
Свое белое платье надела она,
Узел сплела волос густых
И будит Кристабель от сна,
Не сомневаясь в чарах своих.
«Вы спите, леди Кристабель?
Уж утро – пора покинуть постель!»
Кристабель проснулась. Стоит перед ней
Та, что рядом с нею ночь провела,
Или та самая, верней,
Которую она под дубом нашла.
Еще красивей, еще милей,
Потому что выпита ею до дна
Полная чаша сладкого сна.
И так приветливы слова,
Так благодарен нежный взгляд,
Что (так казалось) кружева
Взволнованную грудь теснят.
Кристабель сказала: «Сомнения нет,
Я согрешила, я была неправа»,
И голос ее дрожал едва,
Хоть ласков был ее привет,
Но душа ее все же была смущена
Впечатленьем слишком живого сна.

Кристабель поспешно с постели встает,
Надевает платье и молитву творит.
Кто на кресте томился, Тот
Ее неведомый грех простит.
И леди Джеральдину ведет потом
Познакомить со старым своим отцом.
Кристабель с Джеральдиной идут вдвоем,
Проходят залой, сквозь ряд колонн
И, ступая между слугой и пажом,
Входят в покой, где сидит барон.
Встал барон, прижав Кристабель,
Ненаглядную дочь, к груди своей
И, заметив леди, невиданную досель,
Глядит на нее, дивится ей.
И приличный столь знатной даме поклон
Посылает леди Джеральдине он.
Но когда он услышал леди рассказ,
Имя отца ее узнал,
Почему сэр Леолайн тотчас
Так бледен стал и повторял:
«Лорд Роланд де Во из Трайермен?»
Увы! Они в юности были друзья,
Но людской язык ядовит, как змея;
Лишь в небе верность суждена;
И юность напрасна, и жизнь мрачна;
И нами любимый бывает презрен;
И много на свете темных тайн.
Мне ясно, что произошло
Меж вами, лорд Роланд и сэр Леолайн:

Словами презренья обменялись зло,
И оскорбленья выжгли в их душах любовь,
И они разошлись, чтобы не встретиться вновь.
Никогда не сойдутся они опять,
Чтобы снять с сердец тяжелый гнет,
Как утесы, будут они стоять
Далеко друг от друга, всю жизнь напролет.
Бурное море разделяет их,
Но ни зной, ни молнии, ни вечные льды
Не могут стереть в сердцах людских
Любви и дружбы былой следы.
Джеральдине в лицо поглядел барон
И долго всматривался он,
Сквозь сиянье нежной ее красоты
Молодого лорда узнавая черты.
О, тогда свои позабыл он лета.
В благородном сердце вскипела месть.
Он поклялся кровью из ран Христа,
Он пошлет повсюду об этом весть,
Он велит герольдам своим трубить,
Что те, кто ее посмел оскорбить,
Покрыты на век пятном стыда!
А дерзнут они отрицать, – тогда
Герольд назначит неделю им,
Чтобы дать ответ моему мечу,
Пусть будет турнир судом моим.
Их змеиные души я выбить хочу
Из тел человеческих мечом моим!»
Так он сказал, с огнем в глазах —

Ибо леди обидели тяжко, а в ней
Он видит дружбу давних дней!
И вот лицо его в слезах
И он Джеральдину в объятья взял,
И встретила это объятие она,
И радостный взор ее сиял.
А дочь глядит, поражена
Виденьем тягостного сна.
Она содрогнулась; боль и страх
Промелькнули в ясных ее глазах.
(О горе, горе, Кристабель,
Такие виденья знать тебе ль?)
Она снова увидела старую грудь,
Холодную грудь ощутила вновь,
Но имела лишь силу хрипло вздохнуть,
И барон, озираясь, поднял бровь,
Но увидел только свое дитя,
Стоявшее, взор к небесам обратя.
Виденье было, виденья нет,
Другое просияло вслед,
И стало отрадным виденье сна,
Что в объятьях леди провела она.
И внесло упоенье в душу, и вот
Глаза Кристобели и нежный рот
Засветились улыбкой! Снова барон
«Что с тобою, дитя?» – спросил удивлен,
Она отвечала, когда он спросил:
«О нет, тревожного нет ничего».
Должно быть, она не имела сил

Иначе сказать, побороть колдовство.
Но из тех, кто видел Джеральдину, любой
Решил бы, что с неба сошла она:
Она глядела с такой мольбой,
Как будто страхом была полна,
Что Кристабель огорчена!
И с такой печалью прекрасных глаз
Она умоляла назад, домой
Ее поскорей отправить...

«Нет!

Нет!» – Леолайн воскликнул в ответ.

«Бард Бреси, вот тебе приказ:

Иди ты с громкой, веселой трубой,
Двух лучших коней возьми с собой
И возьми одного из моих пажей,
Чтоб он ехал сзади с лютней твоей.

Нарядитесь оба в шелк и атлас

И скачите вперед, трубите в рог,

Да смотрите только, чтобы на вас

Не напали бродяги больших дорог.

Через Иртинг глубокий, скорей, скорей,

Мой веселый бард полетит вперед

Через Хэльгарский лес, вдоль Норренских болот

И увидит он крепкий замок тот,

Что стоит, грозя Шотландии всей.

Бард Бреси, Бард Бреси, твой конь быстроног,

Пусть несется конь, пусть рог звучит.

Не устанет конь, не замолкнет рог,

Лорду Роланду голос твой прокричит:

«В безопасности дочь твоя, о лорд,
Прекрасная дочь, хвала судьбе,
Сэр Леолайн ее спасеньем горд
И тебя приглашает немедля к себе
Со всей многочисленной свитой твоей,
Чтоб ты мог Джеральдину домой увезти,
Он сам тебя будет встречать на пути
Со всей многочисленной свитой своей,
На множестве резвых вспененных коней!
И я поклясться честью готов,
Что сердцу горше многих измен
Тот день, когда несколько злобных слов
Я сказал лорду Роланду из Трайермен.
Ибо с той поры много видел я,
Пролетело много солнечных смен,
Но заменят ли мне все мои друзья
Одного лорда Роланда из Трайермен».
Его колени руками обняв,
Джеральдина склонилась, прекрасна, как свет,
И Бреси, всем привет послав,
Дрогнувшим голосом молвил в ответ:
«Твои слова, благородный барон,
Слаще звучат, чем лютни звон;
Но прошу как милости я, господин,
Чтоб не сегодня отправились мы,
Потому что видел я сон один
И дал обет святыя псалмы
Пропеть в лесу, чтоб изгнать из него
Виденье странного сна моего.

Ибо видел во сне я в ту ночь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.